

Андрей Белый

Апокалипсис в русской поэзии

Андрей Белый

Апокалипсис в русской поэзии

«Public Domain»

1905

Белый А.

Апокалипсис в русской поэзии / А. Белый — «Public Domain», 1905

«Нет никакой раздельности. Жизнь едина. Возникновение многого только иллюзия. Какие бы мы ни устанавливали перегородки между явлениями мира – эти перегородки невещественны и немыслимы прямо. Их создают различные виды отношений чего-то единого к самому себе. Множественность возникает как опосредование единства, – как различие складок все той же ткани, все тем же оформленной. Сорвана вуаль с мира, – и эти фабрики, люди, растения исчезнут; мир, как спящая красавица, проснется к цельности, тряхнет жемчужным кокошником; лик вспыхнет зарею; глаза, как лазурь; ланиты, как снеговые тучки; уста – огонь. Встанет – засмеется красавица. Черные тучи, занавесившие ее, будут пробиты ее лучами; они вспыхнут огнем и кровью: обозначится на них очертание дракона: вот побежденный красный дракон будет рассеян среди чистого неба...»

© Белый А., 1905

© Public Domain, 1905

Содержание

I	5
II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Андрей Белый

Апокалипсис в русской поэзии

Панмонголизм!
Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя.
А. Блок¹

I

Нет никакой раздельности. Жизнь едина. Возникновение многого только иллюзия. Какие бы мы ни устанавливали перегородки между явлениями мира – эти перегородки невещественны и немыслимы прямо. Их создают различные виды отношений чего-то единого к самому себе. Множественность возникает как опосредование единства, – как различие складок все той же ткани, все тем же оформленной. Сорвана вуаль с мира, – и эти фабрики, люди, растения исчезнут; мир, как спящая красавица, проснется к цельности, потряхнет жемчужным кокошником; лик вспыхнет зарею; глаза, как лазурь; ланиты, как снеговые тучки; уста – огонь. Встанет – засмеется красавица. Черные тучи, занавесившие ее, будут пробиты ее лучами; они вспыхнут огнем и кровью: обозначится на них очертание дракона: вот побежденный красный дракон будет рассеян среди чистого неба.

II

Стояла весна 1900 года. Темное крыло грядущего затенило дни, и в душе поднялись тревожные сновидения. Человечеству открылся единственный путь. Возник контур религии будущего. Пронеслось дыхание Вечной Жены.

Лекция Соловьева «О конце всемирной истории» поразила громом². Но великий мистик был прав. Помню его с бездонно устремленными очами, с волосами, разметающимися по плечам, иронически-спокойного с виду, задумчивого, повитого тучей огня. Резко, отчетливо вырывались слова его брызгами молний, и молнии пронзили будущее; и сердце пленялось тайной сладостью, когда он уютно склонял над рукописью свой лик библейского пророка; и картина за картиной вставляли среди тумана, занавесившего будущее. Обозначился ряд ледяных пиков, крутых снегоблещущих гор, по которым мы должны будем пройти, чтобы не свалиться в пропасть. А из черных провалов взвивался дым туч; лучи солнца, обливая тучи кровью, являли в дымах грядущий лик воспламененного яростью дракона.

Но с бессмертных высот платонизма и шеллингизма Соловьев увидел розовую улыбку Мировой Души. Он понял и сладость «Песни Песней», и знаменье «Жены, облеченной в солнце»³. И вот с философских высот сошел в этот мир, чтобы указать людям на опасности, им грозящие, на восторги, им неведомые. И в уютных комнатах раздавался его рыкающий глас, и длинные руки лихорадочно перелистывали страницу за страницей. Боролся с ужасом, сильный и властный; казалось, точно перевертывал не страницы, но срывал маску с утаенной врагом истины. И маска за маской слетали; и маска за маской рассыпались туманным прахом. И зажигался прах. И *злое пламя земного огня разгоралось*. Но «все, кружась, исчезало во мгле»⁴ – и вот мы сидели за чайным столом, и он, окончив чтение, оглашал стены безумно детским хохотом, прислушиваясь к шуткам. Но виденья, им вызванные, грозились в весенних окнах золотыми зарницами.

Меня поразила не столько сама «Повесть об антихристе», сколько слова действующих лиц: «А я вот с прошлого года стала тоже замечать, и не только в воздухе, но и в душе: и здесь нет полной ясности... *Все какая-то тревога и как будто предчувствие какое-то зловещее*» («Три Разговора»)⁵. В этих словах я прочел все неуяснимое доселе в своих личных переживаниях. Я обратился к Владимиру Сергеевичу с вопросом о том, сознательно ли он подчеркивает слова о тревоге, подобно дымке опоясавшей мир. И Владимир Сергеевич сказал, что такое подчеркивание с его стороны сознательно. Впоследствии слова о «дымке»

² Лекция Вл. Соловьева о конце всемирной истории, куда тематически вошла и упоминаемая ниже «Краткая повесть об антихристе», была прочитана им в Петербурге в марте 1900 г.

³ Книга «Песни Песней» Соломона – одна из книг Ветхого завета; «Жена, облеченная в солнце» – образ Апокалипсиса (Откр. 12:1).

⁴ Строка из стихотворения Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь» (1887).

⁵ «Три разговора» и примыкающая к ним «Краткая повесть об антихристе» (1900) – написанные незадолго до смерти Вл. Соловьева философские произведения эсхатологического характера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.